

Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII веков*

К теме присутствия иностранцев в Московском государстве исследователи обращаются довольно часто. Интерес к ней связан как с актуальностью исследования проблемы взаимоотношений России и Западной Европы, так и со стремлением подойти к изучению русского общества через исследование его реакции на активно росшее в XVI–XVII столетиях присутствие «чужого» элемента. Объектами внимания историков становились, как правило, иноземцы из числа сподвижников Петра I: Ф. Лефорт, П. Гордон, Я. Брюс и др. Термин «иноземец» в русских документах XVI–XVII вв. означал не столько происхождение из иного государства, сколько принадлежность к иной, не русской Церкви (в том числе православной). Основанная на религиозно-культурном традиционализме политика светских и духовных властей Русского государства обусловила колоссальное значение конфессионального фактора в судьбах иностранцев в России. Данный фактор определял их подданство, социальный статус, материальное положение, круг общения, от него в ряде случаев могла зависеть свобода, а подчас и жизнь выходцев из других государств¹. Гарантию вхождения в русское общество давал лишь переход в православие «по русскому обряду» — важнейший инструмент иммиграционной политики московских властей. Книга Т. А. Опариной позволяет посмотреть на процесс адаптации иностранцев в России «с максимальной степенью приближения».

В книге описаны судьбы представителей различных вероисповеданий, в первую очередь христианских; этих людей объединяет пребывание в Российском государстве и происшедшее в связи с этим присоединение к Русской Церкви. Автор рассмотрела условия пребывания иноземцев в России через биографии. 7 глав книги представляют собой 7 капитальных биографических и генеалогических исследований, герои которых — фламандский врач Иоганн

* Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.

Эйлоф и его потомки, английский дворянин и купец Джон Барнсли, француз барон Пьер де Ремон, еврей с Балкан Иван Селунский, грек из Трапезунда Юрий Иванов, шляхтич Станислав Вольский и украинский казак Микита Макушевский. Разнообразие описанных судеб ярко выявляет, с одной стороны, те условия, на которых русское правительство принимало выходцев из других государств, с другой стороны, намечает различия в отношении властей к разным группам иммигрантов.

В описанной исследовательницей на многообразном материале практике перекрещивания иностранцев ярко выявлено представление русских церковных и светских властей о Московском государстве как об оплоте «благочестия и истинной веры». Иван Селунский, крещенный Иерусалимским и Константинопольским патриархами, с риском для жизни доказавший свою приверженность православию, оказался по русским меркам «недостаточно православным», потребовались дополнительные процедуры для принятия его в Русскую Церковь. При этом Опарина показала, что религиозный эгоцентризм московских властей соседствовал с прагматизмом в привлечении иностранцев на службу. Для большинства иноземцев принятие православия являлось не результатом духовных исканий, но сделкой, от которой ожидали новых карьерных возможностей, получения поместий, покровительства властью имущих и т. д. Примером добросовестного исполнения сторонами заключенного таким образом договора является судьба «выезжего черкашенина» Микиты Маркушевского. Бывший интервент, грабивший русскую землю в Смутное время, был присоединен к Русской Церкви через миропомазание, а затем через повторное крещение, утвердился в Москве, был поверстан денежным и поместным окладами, вышел победителем из тяжбы с представителем могущественного дворянского рода. Маркушевский нес службу в Панском приказе и погиб в битве с поляками, верный московскому государю; его вдова и дети получали от властей пособие, сын, достигнув возраста службы, был записан в жильцы. Таким образом, стороны выполнили свои обязательства. Пример другого рода – судьба майора Даниила Ильфова, представителя прочно укоренившегося в России рода Эйлофов. Ильфов изменил крестоцелованию, сдал противнику город, который должен был оборонять, купив себе этим чин полковника в польском войске. Изменнику посчастливилось избежать возмездия (переход на сторону противника был для иностранных военных одним из немногих способов покинуть Россию по собственной воле). Необходимо отметить, что русские власти всячески старались склонить на свою сторону служилых людей из враждебных государств, награждая ренегатов тем богаче, чем значительней были оказанные услуги². Особняком стоит случай перехода в православие выходца из Франции барона Пьера де Ремона, с успехом для себя воспользовавшегося в России преимуществами своего титула. «Шляхетство» вывело в московские дворяне плененного в годы Смоленской войны (1633–1634 гг.) и похолопленного польского дворянина Станислава Вольского.

Исследование Опариной позволяет также обратиться к проблеме адаптации индивида к чужой среде в эпоху позднего Средневековья. Что требовала

от иммигранта новая социальная среда в обмен на возможности карьеры и стабильности? Как проходил процесс адаптации? Что мигранты приносили с собой? Что представляли собой замкнутые мирки «иноземских» общин в России? Исследователи отмечали массовые переkreщивания, вызванные изменениями во внутренней политике Русского государства в XVII столетии, из-за которых значительное число живших в России иностранцев приняло православие, руководствуясь в первую очередь желанием сохранить поместья³. Опарина тщательно проанализировала возможные мотивации при смене религии. Описанные исследовательницей биографии полны поистине удивительных метаморфоз. Кальвинист Вильям Барнсли, долгое время сохранявший верность своей религии, после пребывания в ссылке решился на перемену веры. Достигнув в результате принятия православия значительного положения в сибирской администрации, англичанин в жестокости и злоупотреблениях превзошел русских воевод, притесняя как русский «мир», так и «сибирских иноземцев» (в том числе насильно крестил в православие) и едва не стал жертвой мятежа. Борясь с недругами, бывший протестант использовал все доступные ему средства, вплоть до наведения на врагов порчи с помощью якутских шаманов. Примером выдающихся способностей социальной адаптации следует считать Юрия Трапезундского, который в зависимости от обстоятельств мог представляться турком-мусульманином, итальянцем-католиком или православным греком. География его передвижений поражает своей широтой: Малая Азия, Северная Африка, Западная и Центральная Европа, Россия, Сибирь, где, по всей видимости, Юрий Трапезундский и окончил свою жизнь. Однако Опарина описывает и случаи (исключительные), когда религиозные ценности оказывались важнее карьерных соображений. К таким случаям относится, с одной стороны, судьба иудея Ивана Селунского, по зову сердца перешедшего в православие и бежавшего в Россию от преследований бывших единоверцев, с другой — позиция ревностной кальвинистки Анны Барнсли, насильно крещенной в православие, но не отступившей от своих религиозных убеждений, несмотря на выпавшие на ее долю испытания. Исследовательница также рассказывает о возвращении из православия в протестантизм клана Эйлофов.

Источниковой базой книги Опариной служат материалы о переkreщивании иноземцев, ранее остававшиеся практически вне поля зрения историков. Важнейшей чертой этих документов является их автобиографическая составляющая. В том случае, если новокрещенный принадлежал не к первому поколению «выезжих иноземцев», рассказ включал и историю его рода в России. Исследовательница также использовала документы, относящиеся к службе иностранцев (из архивов Разрядного и Иноземного приказов), о земельных пожалованиях (из архива Поместного приказа), сведения о спорах и тяжбах, которые иммигранты вели друг с другом и с русскими людьми. Среди героев книги есть личности, чья судьба привлекала интерес иностранных авторов записок о России XVII в. или становилась предметом дипломатической переписки. Комплексный анализ различных групп источников, относящихся к судьбе иммигрантов в России, позволил автору воссоздать основные черты

их биографий, несмотря на неизбежные при подобных обстоятельствах лакуны и спорные эпизоды. Ориентироваться в хитросплетениях родственных связей многочисленных упомянутых в книге родов помогают генеалогические схемы.

Не вполне удачен, на мой взгляд, иллюстративный ряд издания. Большинство изображений представляют собой уменьшенные копии рукописных листов (столбцов) XVII в., трудночитаемые даже для специалистов. Вызывает сожаление отсутствие в конце книги резюме на английском языке, поскольку работа безусловно вызовет интерес не только российских читателей.

Хочется порекомендовать исследование Т. А. Опариной всем, кто интересуется проблематикой взаимоотношений России и Западной Европы, внутренней политикой светских и духовных властей Российского государства, миграционными процессами периода позднего Средневековья, исторической биографией и генеалогией. Без сомнения, книга способна привлечь внимание широкой читательской аудитории.

*С. П. Орленко, кандидат исторических наук
(Музеи Московского Кремля)*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: (Правовой статус и реальное положение). М., 2004.
- ² В 1657 г. русские власти наградили поместьями иноземца Филипиуса Фангостерна «за его многую службу, что его радением Юрьева Ливонского городские сиделцы всяких чинов люди государю добились челом» (т. е. за то, что Фангостерн склонил горожан к капитуляции русским войскам) (РГАДА, ф. 233 (Печатный приказ), оп. 1, кн. 80, л. 84–84 об.).
- ³ Опарина Т. А. Воссоздание Немецкой слободы и проблема перекрещивания иностранцев-христиан в России // Патриарх Никон и его время. М., 2004.